

Аэропорт

(не путать с романом того же названия Артура Хейли)

С аэропортом «Шереметьево-2» у меня связаны два замечательных события. Начну с первого, неудачного. После отстранения меня от проекта «Венера-Галлей», где я был сначала научным руководителем всего проекта и автором самой идеи (вместе с баллистиком из ИКИ Сашей Сухановым) направить аппарат, предназначенный для изучения Венеры, к приближающейся к Солнцу комете Галлея, я, наконец-то, смог, наладить сотрудничество с немецким Институтом Аэронауки. Этот Институт входил в Институт Макса Планка и был расположен в деревне Линдау, вблизи от Гейдельберга. Кругом простиралась ярко желтые поля рапса и бродили откормленные и ухоженные коровы.

В деревне, естественно, была церковь или, точнее говоря, собор, пару отличных магазинов, а в четырех километрах в чистом полк стоял и супермаркет.

Сосватал меня туда Вася Мороз, познакомив с известным теоретиком по химии атмосфер планет немецко-китайским специалистом профессором Ву, который жил в собственном доме в Линдау. Остальные, за исключением нескольких физиков и инженеров, жили в близлежащих городках, срисованных с картин старых мастеров. К 8 утра все точно и без опозданий съезжались на отлично вымытых машинах на стоянку Института. Директорами Института были два ученых, сменявшихся каждые 4 года. Один из них - Доктор Хельмут Розенбауер и стал моим другом и коллегой по работе. Доктор Розенбауер был инженером высочайшего класса, специалистом в области электроники, программирования, вакуумной техники и ультрафиолетовых детекторов. Но, самое главное, он был замечательным человеком, добрым и внимательным. При моем первом приезде в Линдау я жил пару дней в его доме. Мы решили попробовать осуществить ультрафиолетовый эксперимент на аппарате, запускаемом к Марсу.

Кроме нашего ультрафиолетового эксперимента Д-р Розенбауер являлся PI (научным руководителем) замечательного эксперимента на Европейском космическом аппарате «Уллис» по непосредственной регистрации атомов гелия, влетающих из межзвездной среды в Солнечную систему, а также одним из инициаторов потрясающего эксперимента по изучению кометы Чурюмова-Герасименко. Этот эксперимент триумфально завершился весной 2015 года, после 10 летнего вояжа аппарата в спящем режиме.

Для аппарата «Марс-91» мы с ним сконструировали весьма сложный прибор – ультрафиолетовый фотометр для регистрации излучения в 8 узких диапазонах от 304А и до 1650А с полосами, центрированными на линии водорода, гелия, кислорода и ксенона Мы хотели сконструировать прибор как для изучения верхних слоев атмосферы Марса, так и для наблюдений межзвездной и межпланетной среды. Помимо каналов с узкими фильтрами в приборе были установлены две кюветы: одна с водородом, а другая с дейтерием, что позволяло измерять обилие дейтерия и температуру, как в атмосфере Марса, так и в межпланетном пространстве. Меня лично интересовали именно межзвездная и межпланетная

среда. Работу мы поделили на две части, блок детектирования и сами детекторы (канальные фотоумножители с фильтрами и обе кюветы) должны были разрабатывать и изготавливать наши немецкие коллеги, а блок обработки информации с памятью, управлением и связью с телеметрией космического аппарата должны были делать мы, т.е. ФИАН и Союзный Научно-исследовательский Институт Приборостроения (СНИИП). Заведовал отделом в этом отличном Институте Илья Петрович Карпинский, а ведущим инженером по прибору был Валентин Алексеевич Склянкин. От нас ведущим научным сотрудником по всему эксперименту была наша сотрудница Лена Миронова. После годового согласования всех параметров аппаратуры и выпуска документации, т.е. чертежей и электрических схем, мы должны были объединить всю документацию с аналогичной для немецкого блока детектирования. Затем аппаратура должна была быть изготовлена, пройти всю длинную цепочку испытаний и отвезена в Германию для совместных испытаний и последующей абсолютной калибровки в специальной лаборатории Европейского Космического Агенства в Университете Фрайбурга (на юго-западе Германии на границе с Швейцарией). Такая уж получилась сложная схема взаимодействия. Согласование технической документации проводилось в Москве, а стыковка двух блоков в Германии. Тут были и свои, типично Советские проблемы. Валя Склянкин никогда не был за рубежом и получить для него разрешение через его Министерство было непросто. Немцы оплачивали нам все расходы по поездкам в Германию. Без этого, конечно, никакого сотрудничества бы не получилось. Наконец, вся аппаратура была готова, документация переведена с русского на английский и с немецкого тоже на английский, были изготовлены упаковочные ящики для прибора и испытательного контрольного пульта, распаяны десяток соединительных и специальных испытательных кабелей, для которых был также изготовлен упаковочный ящик. Я съездил в Аэропорт и подготовил документацию для вывоза за рубеж 3-х ящиков (два для приборов и один, самый большой, для соединительных кабелей). Были куплены три билета до Франкфурта и три обратных билета из Франкфурта в Москву. Билеты были самые дешевые, так как я не хотел разорять наших немецких коллег, но их нельзя было сдавать и переносить дату вылета-прилета. Наш самолет улетал что-то часа в два, но мы, естественно, приехали рано утром, сгрузили ящики и стали оформлять документы на их отправку багажом на наш же рейс. В процессе оформления с нас неожиданно стали требовать бумагу о том, что ФИАН является «зрелищным» предприятием, вроде цирка, варьете или театра. Аргумент таможни был такой «В инструкции у нас написано, что кабели являются принадлежностью зрелищного предприятия». Попытка в три голоса объяснить им, что кабели используются в технике и науке, успеха не имели. Мы судорожно втроем носились по пяти этажам Аэропорта от одного начальника к другому, но результат был нулевой. Как правило, в любой комнате сотрудники таможни дружно распивали дорогие сорта коньяка, закусывая его, в нарушении традиций, черной зернистой икрой и дорогими сортами колбас. Наконец, заместитель начальника таможни всего аэропорта дал мне ценный совет - уединиться с начальником смены и добром решить вопрос. Я, полный идиот, намек не понял. 100 марок тут же решили бы всю проблему, но у меня уже тряслись руки и ноги, я заикался и намек не понял.

Нам сказали, что в 5 часов вечера будет еще один самолет до Франкфурта, на который мы еще можем успеть. Но, нет, не успели. Был, конечно же, простой вариант, до которого я от нервного напряжения не додумался, отправить Валю и Лену без ящика с кабелями, а мне сдать злополучный ящик в камеру хранения и оформить требуемый дурацкий документ о том, что ФИАН не является зрелищным предприятием.. Я, конечно же, в самом начале возникновения проблемы, позвонил в Посольство ФРГ, оттуда приехал сотрудник, но толку от него не было. Что им международный скандал? У нас пропало 6 билетов, купленных за немецкие денежки, все ящики мы сдали в камеру хранения и, несолоно хлебавши, вернулись домой. За три дня мы оформили заново в ФИАНе все бумаги, купили опять три билета до Франкфурта и три билета восвояси и нормально улетели в Линдау После нашего возвращения я спросил Валю Склянкина, что ему больше всего понравилось в Германии: громадный супермаркет (в СССР тогда их еще не было), скоростной поезд через всю Европу или туалет в Институте. Валя подумал и сказал: «Туалет в Институте». Наверное, он был прав.

Вернувшись через недели две в Москву, я накатал злобную жалобу Министру Всесоюзной таможни и сам отвез в приемную ихнего Министерства. Ответа я жду уже 24 года. Может быть, все-таки я его получу?

АЭРОПОРТ (Часть 2)

Второй инцидент в Аэропорту Шереметьево произошел у меня тоже в эпоху «Марс-91» году в 1989 или 88. По делам нашего ультрафиолетового фотометра (УФС) я довольно часто летал в Линдау. Там я жил в одной и той же квартире, насобачился сам все себе готовить, а в Институте ходил вместе со всеми пить кофе из автомата. Ставишь чашку и он спрашивает: двойной или одинарный? С сахаром или без, а если с сахаром, то сколько, с молоком или без? Потом льет и надо платить. Здорово! Иногда я брал у кого-нибудь машину и ехал в ближайший супермаркет. Покупал ящик пива, 3-х литровую банку томатного сока и прочей снеди. Часто готовил полный обед и звал гостя на обед вечером после работы. Почти все уходили с работы точно по времени, но можно было оставаться и на ночь. В первый мой день, я собрался вечером в Институт позвонит домой. Тогда еще не было скайпа. Ключ мне дали один, и для квартиры и для Института. Прихожу в Институт, стеклянная дверь закрыта, я туда-сюда, так и ушел, А утром мне показали, что замок на полу в столбике высотой см 10 над полом. Следующий позор был тоже вначале. Олег Вайсберг дал мне программу, которая рисовала орнамент, зависящий от даты рождения. Цветной и красивый. У всех были компьютеры Линксовые. А у меня. простофили, Виндовский. Я для тренировки поставил эту программу и заразил вирусом весь Институт. Потом из ВЦ долго чистили все машины и сервера. Но не ругали, а жалели.

Ну, так про Аэропорт. Я получил визу в Посольстве и купил потом билет. Не наоборот! Все сделал сам без иностранного отдела РАН. Тогда это стало возможным. Поехал в Аэропорт с женой, провожала меня. Так5я ее и свозил ни разу никуда за рубеж. В.Л.Гинзбург даже послал Л.И.Брежневу телеграмму с

просьбой разрешить ехать в Англию с женой и получил такое разрешение. А Доктор, узнав об этом, написал Брежневу письмо с аналогичной просьбой пустить его в Болгарию. У него там дочь жила, муж у нее там был, Ни ответа , ни привета!

Лидин отец отвез нас в Аэропорт и стал ее ждать. Я сдал чемоданчик и пошел на паспортный контроль. И, о ужас, у меня виза с завтрашнего дня, т.е. через 7 часов еще! А билет сейчас! Ну, обормот же я. Не поглядел в паспорт и на билет! Я стою без памяти, ведь билет туда и обратно пропадет, если я не улечу. Руки-ноги отнялись. Я предлагаю им пропустить меня, а пока мы долетим, получим в Берлине багаж, сутки и проскочат». «Нет»,- говорят, не имеем права! И тут стоящий за мной мужик спрашивает что стряслось? Я объяснил, и он тогда говорит пограничнику: «Я начальник Службы Безопасности АвиаКомпании «Трансаэро», которой я и лечу, как и он. Я - говорит он «Беру его под свою ответственность. Вас там встретят?» «Ну, конечно, у меня же ящик с аппаратурой, тяжелый». Ура! Летим. Прилетаем в Берлин, подходим к паспортному контролю, никто меня не встречает. Мой благодетель тоже разинул варежку. Я ему говорю, сходите, пожалуйста, и покричите, кто из Института Аэронамии в Линдау. Через 10 минут он возвращается с двумя моими немецкими друзьями. Отвели меня в другое здание, за 30 марок оформили гостевую краткосрочную визу и выпустили уже совсем одного на волю в ФРГ в западную демократию. И машина BMW, и пиво Баварское и сосиски, и чистый туалет в Институте. У нас такие появились лишь лет через 10! Счастливый конец!